

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 24, Is. 2, pp. 106–115, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-24-2-106-115
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.3

The History of Sentence Information Structure Studies in the Modern Mongolian Language

Anna V. Mazarchuk¹

¹ Postgraduate Student, Department of Languages of Russia, Institute for Linguistic Studies of RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E mail: anja_av@rambler.ru

Abstract

The article summarizes results achieved by scholars representing different generations and linguistic traditions in studies of Mongolian sentence information structure. The notion of information structure was introduced by M. A. K. Halliday on the grounds of V. Mathesius's theory of "the actual division of the sentence" (or "thematic-rhematic articulation of the sentence"), but the former developed his own view on this issue. The principal distinction between these two theories is that M. Halliday treats such entities as givenness, focus, topic, etc. as matters of individual cognitive process, whereas V. Mathesius considers them to depend mainly on context and "consituation". Currently, M. A. K. Halliday's information structure theory is deemed to be more consistent and, therefore, referred to more frequently. Nevertheless, back in the 1980s when first articles on Mongolian sentence information structure started to appear the views of the Prague Linguistic Circle were more widely accepted among Soviet specialists in Mongolian studies, and the pioneer works on information structure of a Mongolian sentence were written in the mould of structuralism. The first papers written on the subject belonged to Moscow and Leningrad scholars Z. K. Kas'yanenko (1973), M. N. Orlovskaya (1984), Z. V. Shevermina (1984), and the American linguist L. B. Hammar (Indiana University Bloomington) who had presented her Ph. D. thesis under the title "Syntactic and Pragmatic Options in Mongolian: a Study of Bo and N" (1983). Those works by the afore-mentioned linguists mostly concerned word order in a Mongolian sentence from the perspective of the "actual division", and special particles, which are viewed in modern linguistics as topic, focus, verification, and emphasis markers. A couple of decades later, Mongolian scholars attempted to describe their native language in terms of the latest trends of the world linguistics and their works – those by M. Bazarragcha, Z. Guliranz, G. Jambalsuren, B. Purev-Ochir – have become a valuable source of examples, showing various types of structures, such asthetic sentences, sentences with preposition of rheme and so on. Lately several works on intonation in the contemporary Mongolian language have been published. However, unfortunately, one can hardly find any comprehensive study of the relation between information structure and intonation in modern Mongolian. This subject is likely to be a fruitful field for further research.

Keywords: Mongolian language, information structure, history, theme, rheme, particles, intonation, word order.

Термин «информационная структура предложения» был введен в научный оборот лингвистом М. А. К. Хэллидеем. В своей статье «Заметки о транзитивности и теме в английском языке» [Halliday 1967] ученый рассматривает предложение как комплекс (*домен*) трех основных областей синтаксиса, в рамках которых говорящий должен сделать определенный выбор (the domain of three main areas of syntactic choice). Этими тремя областями являются *транзитивность*, *наклонение* (mood) и то, что М. Хэллидей называет *темой* (theme). Термин «информационная структура» фигурирует в описании последней области.

М. Хэллидэй указывал на то, что понятие «тема» мы используем, когда говорим (1) об *информационной структуре* клаузы; (2) о статусе элементов, которые рассматриваются не как участники экстралингвистического процесса, а как компоненты сообщения; (3) о соотношении того, что говорится, с тем, что уже имело место в дискурсе до этого, и о внутреннем преобразовании всего этого в коммуникативный акт.

М. Хэллидэй выдвигает следующие положения. Ни одна из этих областей значения не ограничивается клаузой. Но для каждой из них клауза предоставляет значительное количество выборов (опций). И именно для этих клаузных опций используются термины *транзитивность*, *наклонение* и *тема*. М. Хэллидей пишет, что *транзитивность* является грамматикой опыта, *наклонение* — грамматикой речи, а *тема* — грамматикой дискурса.

Каждый из этих трех наборов опций определяет какое-то количество синтаксических функций или ролей, сочетание которых организует структуру предложения. Некоторые роли происходят из системы транзитивности — деятель, цель и др. Роли же, определяемые системой темы, другого характера. Здесь структурная функция — это функция в коммуникации, и одна из функций сама по себе называется «тема». Так что термин «тема» используется и как общее понятие, и как название определенной роли — распределения информации в предложении как сообщении. Другие функции в этой области имеют названия «данное» и «новое». Терминов «топик» и «комментарий» М. Хэллидэй избегает, потому что авторы, использующие эти термины, часто объединяют в них разные для М. Хэллидея функции. Так, термином «топик» иногда обозначают и «данное», и «тему».

В рамках комплекса системы темы М. Хэллидэй описывает три набора опций, связанных с: 1) информационной составляющей; 2) темой и 3) идентификацией. Они относятся к целому предложению или сопоставимому с предложением по протяженности синтаксическому комплексу. Говоря в общих чертах, опции из первой группы (информационные) реализуются с помощью интонации; тематизирующие опции — последовательности элементов в предложении (порядком слов); а идентифицирующие опции — определенных специфических паттернов структуры предложения.

Любой текст состоит из «единиц информации». Разделение дискурса на единицы информации обязательно в том смысле, что текст должен состоять из последовательности таких единиц. Но оно также носит произвольный характер с той точки зрения, что говорящий волен решать, где каждая единица информации должна начинаться и где заканчиваться и каким образом должна быть организована ее внутренняя структура. Сама структура составляющих не может это определить самостоятельно.

Информационная структура реализуется фонологически — посредством разделения текста на синтагмы: одна единица информации реализуется как одна синтаagma.

Говорящий задает предложению двухчастную тема-рематическую структуру. Тема находится в начале предложения. Смысловая тема либо не маркирована (в зависимости от наклонения это подлежащее, вопросительный элемент или финитный глагол), либо маркирована (любой другой элемент) — в таком случае она актуализируется как исходный пункт сообщения (здесь М. Хэллидей использует термин В. Матезиуса).

Тема часто (но не обязательно) восстанавливается из предшествующего дискурса: выбор зависит от контекста. Опционально смысловая тема (маркированная или немаркированная) может быть выделена путем утвердительной или отрицательной предикации. М. Хэллидэй также пишет, что тема часто выражена с помощью анафорической конструкции. Рема, таким образом, действительна (или недействительна) для данной конкретной темы. Таким образом, исследователь считает, что рема — это то, что осталось после того, как мы нашли, выделили тему.

М. Хэллiday в этой статье ссылается на работы Ф. Данеша (который рассматривал «организацию высказывания» как уровень синтаксиса) и Я. Фирбаса — представителей Пражского лингвистического кружка, которые развивали учение об актуальном членении предложения В. Матезиуса. Поэтому можно сказать, что теория информационной структуры предложения отталкивается от положений, провозглашенных учеными Пражского лингвистического кружка. Однако существенное различие между терминами «актуальное (или коммуникативное) членение», используемое представителями Пражского лингвистического кружка, и «информационная структура» заключается в том, что первый термин предполагает, что понятия *данное*, *новое* и др. имеют смысл только в ситуации коммуникации. По мнению некоторых исследователей (например; [Слюсарь 2009: 13–14]), это неверно, так как они важны для последовательного развития идей в процессе мышления. Термин «актуальное членение» подчеркивает, что соответствующие свойства предложений более чем другие ориентированы на контекст и шире — конситуацию. В то же время когнитивные системы обработки информации всегда отражают индивидуальную ситуацию в развитии и немислимы без нее. Можно сказать, что они работают только с актуальной информацией, а потому некоторым лингвистам кажется неправомерным особо выделять внутри нее актуальное членение. Мы придерживаемся схожих взглядов, поэтому далее будем использовать термин «информационная структура».

Список литературы, посвященной вопросу информационной структуры предложения, стремится к бесконечности. Из русскоязычных работ следует выделить труды [Распопов 2009; Ковтунова 2002; Золотова 2006; Падучева 1985; Брызгунова 1978; Тестелец 2001; Янко 2008]. На английском языке — работы [Jackendoff 1972; Gussenhoven 1983; Lambrecht 1994; Krifka 2008; Rooth 1992]. Российские лингвисты более склонны разделять позицию Пражского лингвистического кружка. В англоязычных работах информационная структура предложения в основном изучается в рамках генеративизма.

Существующие преимущественно в англоязычной лингвистике взгляды на изучение информационной структуры предложения можно объединить в две большие

группы: (1) формальный (синтаксический) подход, (2) интерпретационный подход. Сторонники формального подхода считают, что понятия информационной структуры «топик» и «комментарий» интегрируются в формальную систему языка, они напрямую и однозначно представлены в синтаксическом компоненте и транслируются в логической (LF) и фонологической (PF) форме. Такой подход был разработан Н. Хомским [Chomsky 1971] и Р. Джекендоффом [Jackendoff 1972]; его придерживаются в рамках генеративной лингвистики, в частности Минималистской программы. Интерпретационные подходы делают акцент на лингвистическом кодировании информации и коммуникативной значимости составляющих, рассматривая в комплексе проблемы взаимодействия семантических, синтаксических и фонологических факторов, а также их прагматическую интерпретацию. Главная идея данных подходов состоит в том, что информационная структура трактуется как сложный интерфейс между компонентами грамматики и прагматики. Сторонники этих подходов интерпретируют синтаксически и фонологически маркированные фокусные или топикальные составляющие, моделируя их внутри- и внесентенциальные функции [Schwabe, Winkler 2007: 5–16].

Основываясь на работах некоторых перечисленных авторов, ученые-монголоведы исследовали информационную структуру предложения в монгольских языках, в том числе в современном халха-монгольском.

Первые статьи, посвященные информационной структуре монгольского предложения (или его «актуальному членению» — чаще использовался именно этот термин), вышли в 1970–1980-х гг. из-под пера советских монголоведов З. К. Касьяненко, М. Н. Орловской и З. В. Шеверниной, а также американского лингвиста Л. Б. Хэммер из Индианского университета в Блумингтоне. Основное внимание в работах того времени было уделено роли порядка слов и специальных частиц в формировании информационной структуры монгольского предложения.

З. К. Касьяненко впервые заговорила об особой функции личнопрыжательных частиц — функции артикля [Касьяненко 1973: 60].

Предоставленный М. Н. Орловской набор порядков членов в простом повествовательном предложении в монгольском языке

показывает, что на уровне актуального членения изменение порядка слов в большинстве случаев или невозможно вообще, или трансформирует предложение в словосочетание. Возможно только перемещение подлежащего и дополнения, не входящих в рамки сказуемого. Также М. Н. Орловская указывает, что, если прямое дополнение выносится вперед и занимает место темы, оно маркируется аккузативным аффиксом, который, во-первых, дает понять, что на первом месте не подлежащее, во-вторых, показывает определенность темы и ее связь с предыдущим контекстом. Много внимания М. Н. Орловская уделяет так называемому логическому ударению и усилительно-выделительным частицам *бол*, *ч*, *бол ч*, *ч гэсэн*, *л*, *нь*, *чинь* и др. [Орловская 1984].

Интересны наблюдения З. В. Шеверниной, которая писала о соотносительности в синтаксико-семантической структуре монгольского предложения исходной части и ядра высказывания и средствах выделения коммуникативно важного центра предложения [Шевернина 1984]. Однако в целом статья З. В. Шеверниной созвучна работам М. Н. Орловской и З. К. Касьяненко.

На английском языке о способах маркирования топика в монгольском писали Л. Б. Хэммар [Hammar 1983] и Ю. Янхунен [Janhunen 2012: 235–237]. Л. Б. Хэммар уделила основное внимание частицам *бол* и *нь*. Ю. Янхунен же более детально рассматривает в целом явление топикализации и маркирования топика в современном халха-монгольском языке. В отличие от З. К. Касьяненко, З. В. Шеверниной и М. Н. Орловской, он считает, что частицы *ч*, *л* не могут играть роль маркера темы (или топика).

Тему актуального членения предложения на материале монгольского языка рассматривают и монгольские ученые, такие как М. Базаррагча [Базаррагчаа 1987; 1991], З. Гулираанз в сборнике [Пүрэв-Очир и др. 1995] и в своей кандидатской диссертации [Гулираанз 1991], Б. Пүрэв-Очир [Пүрэв-Очир 1997] и Г. Джамбалсүрэн [Жамбалсүрэн 1987]. Их работы являются источником ценных примеров на монгольском языке, в подлинности которых мы можем быть уверены, поскольку, во-первых, работы написаны носителями языка, во-вторых, лингвистами, в-третьих, так или иначе они были проверены редакторами, рецензентами, — тоже носителями монгольского. Так, М. Базаррагча, рассматри-

вая виды предложений в современном монгольском языке, приводит примеры тетических, коммуникативно нерасчлененных, предложений, отвечающих на полные диктальные вопросы: «Что случилось?», «Что происходит?», «В чем дело?» и т. д.: *Бороо оров* ‘Прошел дождь’, *Нар жаргав* ‘Солнце село’, *Тэнгэр дуугарав* ‘Послышался гром’. З. Гулираанз предоставил коммуникативную парадигму изначально нейтрального предложения *Бид энэ талаар бишгүй ярьсандаа* ‘Мы по этому поводу достаточно поговорили’ — проведя с ним различные трансформации, ученый показал, как в разговорной речи могут меняться местами тема и рема, и привел варианты предложения, в которых говорящий, следуя определенному коммуникативному заданию, ставит сказуемое в середину предложения — что как будто бы противоречит тому, что мы знаем о грамматике монгольского языка.

Б. Пүрэв-Очир рассматривает актуальное членение предложения как средство связности текста. Проведенные им разборы предложений, где он выделяет тему и ремю, являются огромным подспорьем для других ученых, исследующих информационную структуру предложения в современном халха-монгольском языке.

Интересны работы, посвященные отдельным аспектам, связанным с информационной структурой предложения, в частности интонационному строю монгольских языков.

Самый последний и наиболее полный труд, посвященный интонации в халха-монгольском языке, — книга А. Мухановой-Карлссон «Ритм и интонация в халха-монгольском языке» [Karlsson 2005]. К сожалению, А. Муханова-Карлссон не описывает различные виды интонации в их соотношении с темой и ремой. Она лишь приводит типы фокусов, которые могут встречаться в монгольском предложении в целом.

Согласно результатам исследования А. Мухановой-Карлссон, в монгольском языке встречается два типа фокуса: 1) широкий и 2) узкий:

1) широкий фокус — это фокус, присущий нейтральным высказываниям, в которых коммуникативная нагрузка на всех составляющих примерно одинаковая; он присущ также клаузам в составе нейтральных высказываний;

2) узкий фокус выделяет отдельные слова или большие составляющие; узкий

фокус, распространяющийся на несколько слов, автор называет «распределенным» (spread): фокусирование на составляющих больших, чем слово, не подразумевает, что фокусный акцент должен быть на каждом слове, наоборот, в одном фокусном домене должен быть только один фокус [Karlsson 2005: 77–78].

Интонация в монгольском довольно монотонная, поскольку в языке действуют сильные законы сингармонизма (о зависимости выразительности интонации от силы сингармонизма писала Т. С. Есенова [Есенова 2004]). Рематическим фокусом обычно выделено слово перед финитным глаголом.

Как отмечает А. Мухановой-Карлссон, главные различия между утвердительной интонацией и вопросительной — в уровне тона (pitchlevel) и спектре колебаний тона (pitchrange). Утвердительные предложения с широким фокусом произносятся в среднем регистре с узким тоновым спектром. Утвердительные предложения с узким фокусом и вопросительные произносятся в высоком регистре. Самый широкий спектр колебаний тона у вопросительных предложений. В утвердительных предложениях с узким фокусом может быть несколько тональных пиков. В вопросительных предложениях тональный пик может приходиться на последнее слово [Karlsson 2005: 79].

По наблюдениям А. Мухановой-Карлссон, в утвердительном предложении узкий фокус в зависимости от коммуникативной задачи может приходиться на любое слово, которое требуется выделить, кроме последнего. Если нужно выделить его, то информанты либо добавляют эмфатический долгий гласный *-aa⁴*, либо вообще не вносят никаких изменений в интонационный контур высказывания, и оно звучит как нейтральное, с широким фокусом [Karlsson 2005: 81–83].

Об интонации в монгольских языках (чаще в бурятском и калмыцком, чем в халха-монгольском) написано довольно много трудов. Стоит особенно отметить масштабные исследования Т. С. Есеновой «Интонационный строй монгольских языков» [Есенова 2004] и В. Н. Мушаева «Структура и семантика калмыцкого предложения» [Мушаев 2005] (в эту работу входит раздел, где дано описание просодического оформления компонентов информационной структуры предложения), а также статью Г. Ц. Пюрбеева «Действие интонационного фактора

в предложении монгольских языков» [Пюрбеев 2015].

Т. С. Есенова, анализируя интонацию в монгольских языках, исходит из того, что существует три интонационных слоя звучащей речи: 1) универсальный; 2) слой словесной просодии данной фразы; 3) специфический интонационный слой, отражающий фразово-просодические особенности конкретного языка. Исследователь подчеркивает большую роль сингармонизма в формировании просодии фразы и отмечает типичную для монгольских языков монотонность речи, в то же время указывая, что монгольские языки отличаются друг от друга рядом черт, в том числе темпом речи, и эти отличия обусловлены как языковыми контактами носителей монгольских языков с представителями других языковых семей и групп, так и различием в фонологических системах гласных. В работе Т. С. Есеновой также приведены весьма любопытные данные, полученные в результате следующего эксперимента, проведенного на материале калмыцкого языка. Из вопросительных предложений были вырезаны конечные вопросительные частицы (*-y/-y*, *-va/-vэ*, *-в*), тем не менее информанты восприняли 86,25 % предложений с удаленными вопросительными частицами *-y/-y* и 61,3 % предложений с удаленными вопросительными частицами *-va/-vэ*, *-в* как вопросительные. Из полученных данных автор делает вывод о том, что в вопросительных предложениях, имеющих восходящий интонационный рисунок, указанные вопросительные частицы не имеют большого «семантического веса» [Есенова 2004: 13]. Этот вывод в корне расходится с бытующим в монголоведении мнением, согласно которому вопросительная интонация в монгольских языках не слишком заметно отличается от утвердительной и вопрос можно отличить от утверждения в основном благодаря конечным вопросительным частицам.

В то же время, говоря о роли интонации в тема-рематическом членении предложения, в организации его информационной структуры, Т. С. Есенова утверждает, что рема в монгольских языках маркируется прежде всего позиционно (ее помещают перед сказуемым) и с помощью лексических и морфологических средств, а роль интонации в маркировании темы ослаблена. Однако в целом, как отмечает автор, «чрезвычайно важной чертой аудитором-

монголов (имеются в виду носители языка из Монголии. — А. М.) является то, что они проявляют большую чувствительность к интонационным изменениям. Эта особенность монголов обнаруживается при опознании типов интонации как родного, так и чужого языка» [Есенова 2004: 214]. Интересно, что при этом монголы, хорошо распознавая вопросительный тип интонации в бурятском и калмыцком языках, хуже распознают его в родном языке. Однако такие результаты (плохое распознавание вопросительного типа интонации в **МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ**) показывают все информанты (монголы, буряты, калмыки, русские). Следовательно, для монгольского языка характерна меньшая выразительность вопросительного контура [Есенова 2004: 215]. Т. С. Есенова дает логичное объяснение этой несколько запутанной ситуации: «Нерезкие, неясные перепады ЧОТ (частоты основного тона. — А. М.), интенсивности на протяжении контура формируют особую чувствительность монголов к любому, даже незначительному изменению интонационных признаков» [Есенова 2004: 264]. Таким образом, мы можем предположить, что интонация играет определенную роль и в формировании информационной структуры предложения в монгольском языке, но, возможно, эта роль более заметна носителям монгольского языка, чем внешнему наблюдателю, не являющемуся носителем.

Интересный материал для размышления и последующей экспериментальной проверки представляет труд В. Н. Мушаева «Структура и семантика калмыцкого предложения», в частности раздел «Просодические средства актуализации» [Мушаев 2005: 173–175]. В. Н. Мушаев пишет, что в **КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ** интонация позволяет изменять целевую установку предложения (утверждение может быть преобразовано в вопрос, восклицание и т. п.), производить частную коммуникативно-смысловую дифференциацию предложения (фокусом выделять рему), а пауза чрезвычайно важна для определения границы между темой и ремой. Эти положения предстоит проверить на материале халха-монгольского языка. Некоторые из них уже были подтверждены Г. Ц. Пюрбеевым [Пюрбеев 2015: 253–257]. Например, исследователь пишет, что рема в монгольском предложении «интонационно выделяется как его смысловой центр, сопровождаясь повышением тона на послед-

нем слоге вычленяемого слова», а пауза служит для правильного синтагматического расчленения предложения и выделения отрезков предложения (от одной лексемы и длиннее), представляющих наибольшую информативную ценность в данной речевой ситуации, при этом вычленяемые синтагмы мелодически оформляются восходяще-нисходящим тоном. Кроме того, Г. Ц. Пюрбеев указывает на способность интонации в сочетании с эмфатическим долгим гласным в последнем слоге словоформы (например, *саан* вместо *-сан*) или же с эмфатическим долгим гласным, присоединяющимся к концу слова (*-ваа* вместо *-в*), переводить предложение из одного коммуникативно-экспрессивного вида в другой (констатацию факта или действия превращает в восклицание): «Произнесение сказуемого с повышением интонации всегда является признаком восклицательного предложения» [Пюрбеев 2015: 255].

Авторы трудов, посвященных интонации в халха-монгольском языке, почти не исследуют (или рассматривают достаточно поверхностно) связь интонации и информационной структуры предложения. Нельзя не согласиться с Г. Ц. Пюрбеевым, который писал: «В области интонационной системы монгольских языков многие вопросы ждут еще своего исследования. Предстоит важная работа по описанию с помощью инструментальных методов основных типов интонационных конструкций, характерных для бурятского, калмыцкого, халха-монгольского и других, родственных им языков» [Пюрбеев 2015: 256]. Тем не менее мы уже располагаем некой теоретической и фактологической базой, которую в течение долгих лет создавали авторы упомянутых в статье работ. Далее предстоит, опираясь на уже известные факты и разработанные теории, более детально рассмотреть роль интонации в формировании информационной структуры монгольского предложения, а также в свете теории информационной структуры поновому взглянуть на актуализаторы (*нь, бол* и др.) и эмфатические частицы.

Литература

- Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М.: Русский язык, 1977. 281 с.
 Гулираанз З. Структурно-семантические и коммуникативные характеристики русского тематического высказывания и текста в аспекте языкового мышления монгологоворящих: дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 180 с.

- Есенова Т. С.* Интонационный строй монгольских языков. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2004. 312 с.
- Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Едиториал УРСС, 2006. 368 с.
- Касьяненко З. К.* О формальных средствах смыслового членения предложения в современном литературном монгольском языке // Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. С. 55–64.
- Ковтунова И. И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: учеб. пособие. М.: Едиториал УРСС, 2002. 240 с.
- Мушаев В. Н.* Структура и семантика калмыцкого предложения. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 382 с.
- Орловская М. Н.* Набор порядков слов в простом повествовательном предложении и некоторые способы актуализации членов предложения в современном монгольском языке // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения; отв. ред. В. М. Солнцев. М.: Наука, 1984. С. 99–106.
- Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. 272 с.
- Пюрбеев Г. Ц.* Действие интонационного фактора в предложении монгольских языков // Исследования по языкам и культуре монгольских народов. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 253–257.
- Распопов И. П.* Актуальное членение предложения: на материале простого повествования преимущественно в монологической речи. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 168 с.
- Слюсарь Н. А.* На стыке теорий. Грамматика и информационная структура в русском и других языках. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 416 с.
- Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 798 с.
- Шевернина З. В.* Некоторые наблюдения над актуальным членением предложения в монгольском предложении // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения; отв. ред. В. М. Солнцев. М.: Наука, 1984. С. 158–164.
- Янко Т. Е.* Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. 312 с.
- Базаррагчаа М.* Монгол хэлний өгүүлбэр [Предложение в монгольском языке]. Улаанбаатар: Монгол Улсын Их Сургуулийн Монгол хэлшинжлэлийн тэнхим, 1987. 366 с.
- Базаррагчаа М.* Хэлний үндсэн ба завсрын нэгжийг тал бүрээс үзэх нь [Всестороннее описание основных и периферийных единиц языка]. Улаанбаатар: Монгол улсын Их сургуулийн Монгол хэлшинжлэлийн тэнхим, 1991. 101 с.
- Пүрэв-Очир Б.* Орчин цагийн монгол хэлний өгүүлбэрзүй: Монгол хэлний өгүүлбэрзүйн үндсэн асуудал, нэгжүүдийн бүтэц, тогтолцоо [Синтаксис современного монгольского языка: основные вопросы монгольского синтаксиса, структура и система его единиц]. Улаанбаатар: УБИС-ийн Монгол хэл — аргазүйтэнхим, 1997. 359 с.
- Пүрэв-Очир Б., Мөнх-Амгалан Ю., Гулираанз З.* Монгол хэлний энгийн өгүүлбэр, эхийн онол-практикийн зарим асуудал. Дэвтэр III [Простое предложение и текст в монгольском языке: некоторые теоретические и практические вопросы. Тетрадь III]; ред. Б. Чулуундорж. Улаанбаатар: УБИС-ийн Монгол хэл — аргазүйтэнхим, 1995. 154 с.
- Жамбалсүрэн Г.* Монгол хэлшинжлэлийн онолын зарим асуудал [Некоторые вопросы монгольского языкознания]. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1987. 120 с.
- Chomsky N.* Deep Structure, Surface Structure, and Semantic Interpretation // Semantics: an Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics, and Psychology. D. D. Steinberg and L. A. Jakobovits (eds). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1971. Pp. 183–216.
- Gussenhoven C.* Focus, Mode and the Nucleus // Journal of Linguistics, 1983. Vol. 19. Pp. 377–417.
- Halliday M. A. K.* Notes on transitivity and theme in English. Part 2 // Journal of Linguistics, 1967. Pp. 199–244.
- Hammar L. B.* Syntactic and Pragmatic Options in Mongolian: a Study of «bol» and «n». Ph. D. thesis. Bloomington: Indiana Univ., 1983. Pp. xiv + 174.
- Jackendoff R.* S.Semantic Interpretation in Generative Grammar. Cambridge, Mass.: M. I. T. Press, 1972. Pp. xii + 400.
- Janhunen J. A.* Mongolian. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Company, 2012. Pp. xv + 320.
- Krifka M.* Basic Notions of Information Structure // Acta Linguistica Hungarica. 2008. Vol. 55. № 3/4. Pp. 243–276.
- Lambrecht K.* Information Structure and Sentence Form. Topic, Focus, and the Mental Representations of Discourse Referents. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. 408 p.

- Mukhanova Karlsson A.* Rhythm and Intonation in Halh Mongolian. Lund: Lund Univ., 2005. 183 pp.
- Rooth M.* A theory of Focus Interpretation // Natural Language Semantics. 1992. Vol. 1. Pp. 75–116.
- Schwabe K., Winkler S.* On Information Structure, Meaning and Form: Generalizations Across Languages // On Information Structure, Meaning and Form / ed. by K. Schwabe, S. Winkler. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Company, 2007. Pp. 1–29 (Linguistik Aktuell / Linguistics Today 100).
- References**
- Bazarragchaa M. Монгол хэлний өгүүлбэр [*Predlozhenie v mongol'skom jazyke*] [The Mongolian sentence]. Ulan-Bator, Монгол Улсын Их Сургуулийн Монгол хэлшинжлэлийн тэнхим, 1987, 366 p. (In Mongolian).
- Bazarragchaa M. Хэлний үндсэн ба завсрын нэгжийг тал бүрээс үзэх нь [*Vsestoronnee opisaniye osnovnykh i periferijnykh edinic jazyka*] [Comprehensive description of the main and peripheral linguistic units]. Ulan-Bator, 1991, 101 p. (In Mongolian).
- Bryzgunova E. A. *Zvuki i intonacija russkoj rechi* [Russian pronunciation and intonation]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1977, 281 p. (In Russian).
- Chomsky N.* Deep Structure, Surface Structure, and Semantic Interpretation. Semantics: an Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics, and Psychology. D. D. Steinberg and L. A. Jakobovits (eds). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1971, pp. 183–216 (In English).
- Esenova T. S. *Intonacionnyj stroj mongol'skih jazykov* [The intonational system of Mongolian languages]. Elista, Kalmyk State Univ. Publ., 2004, 312 p. (In Russian).
- Guliraanz Z. *Strukturno-semanticheskie i kommunikativnye harakteristiki russkogo tematicheskogo vyskazyvanija i teksta v aspekte jazykovogo myshlenija mongologovorjashhih: dis. ... kand. filol. nauk* [Structural semantic and communicative characteristics of a Russian thematic narrative and text in terms of Mongolian linguistic thinking: Ph. D. thesis]. Moscow, 1991, 180 p. (In Russian).
- Gussenhoven C.* Focus, Mode and the Nucleus. Journal of Linguistics, 1983, vol. 19, pp. 377–417 (In English).
- Halliday M. A. K.* Notes on trasitivity and theme in English. Part 2. Journal of Linguistics, 1967, pp. 199–244 (In English).
- Hammar L. B.* Syntactic and Pragmatic Options in Mongolian: a Study of «bol» and «n'». Ph. D. thesis. Bloomington: Indiana Univ., 1983, pp. xiv + 174 (In English).
- Jackendoff R.* S.Semantic Interpretation in Generative Grammar. Cambridge, Mass.: M. I. T. Press, 1972. Pp. xii + 400 (In English).
- JanhunenJ. A.* Mongolian. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Company, 2012, pp. xv + 320 (In English).
- Kasyanenko Z. K.* O *formal'nyh sredstvah smyslovogo chlenenija predlozhenija v sovremennom literaturnom mongol'skom jazyke* [On formal means of the semantic division of the sentence in the modern literary Mongolian language]. *Voprosy filologii stran Azii i Afriki. Vyp. 2.* (The Philological Questions of Asian and African Countries. Is. 2). Leningrad, Leningrad State Univ. Publ., 1973, pp. 55–64 (In Russian).
- Kovtunova I. I.* *Sovremennyj russkij jazyk. Porjadok slov i aktual'noe chlenenie predlozhenija: ucheb. posobie* [The modern Russian language. The word order and actual division of the sentence]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, 240 p. (In Russian).
- Krifka M.* Basic Notions of Information Structure. Acta Linguistica Hungarica. 2008. Vol. 55. № ¾, pp. 243–276 (In English).
- Lambrecht K.* Information Structure and Sentence Form. Topic, Focus, and the Mental Representations of Discourse Referents. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994, 408 p. (In English).
- Mukhanova Karlsson A.* Rhythm and Intonation in Halh Mongolian. Lund, Lund Univ., 2005, 183 pp. (In English).
- Mushaev V. N.* *Struktura i semantika kalmyckogo predlozhenija* [The structure and semantics of the Kalmyk sentence]. Elista, APP “Dzhangar” Publ., 2005, 382 p. (In Russian).
- Orlovskaya M. N.* *Nabor porjadkov slov v prostom povestvovatel'nom predlozhenii i nekotorye sposoby aktualizacii chlenov predlozhenija v sovremennom mongol'skom jazyke* [The word order in a regular declarative sentence and some means for actualization of sentence members in modern Mongolian]. *Vostochnoe jazykoznanie: grammaticheskoe i aktual'noe chlenenie predlozhenija; otv. red. V. M. Solncev* (Oriental linguistics: the grammatical and actual division of the sentence, ed. by V. M. Solntsev). Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 99–106 (In Russian).
- Paducheva E. V.* *Vyskazyvanie i ego sootnesennost's dejstvitel'nost'ju* [The statement and its relatedness to reality]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 272 p. (In Russian).

- Рүгев-Очир В. Орчин цагийн монгол хэлний өгүүлбэрзүй: Монгол хэлний өгүүлбэрзүйн үндсэн асуудал, нэгжүүдийн бүтэц, тогтолцоо [*Sintaksis sovremennogo mongol'skogo jazyka: osnovnye voprosy mongol'skogo sintaksisa, struktura i sistema ego edinic*] [Modern Mongolian syntax: the main questions of Mongolian syntax, structure and system of its units]. Ulan-Bator, УБИС-ийн Монгол хэл — аргазүйнтэнхим, 1997, 359 p. (In Mongolian).
- Рүгев-Очир В., Монх-Амгалан Ю., Guliraanz Z. Монгол хэлний энгийн өгүүлбэр, эхийн онол-практикийн зарим асуудал. Дэвтэр III [*Prostoe predlozhenie i tekst v mongol'skom jazyke: nekotorye teoreticheskie i prakticheskie voprosy. Tetrad' III*] [The simple Mongolian sentence and the text: some issues of theory and practice]. Ulan-Bator, УБИС-ийн Монгол хэл — аргазүйнтэнхим, 1995, 154 p. (In Mongolian).
- Pyurbueev G. C. Dejstvie intonacionnogo faktora v predlozhenii mongol'skih jazykov [Effect of the intonational factor in the sentence in terms of Mongolian languages]. *Issledovanija po jazykam i kul'ture mongol'skih narodov* (Linguistic and cultural studies of Mongolian peoples). Elista, Kalmyk State Univ. Publ., 2015, pp. 253–257 (In Russian).
- Raspopov I. P. *Aktual'noe chlenenie predlozhenija: na materiale prostogo povestvovanija preimushhestvenno v monologicheskoj rechi* [The actual division of the sentence: on the materials of regular narratives predominantly in the form of monologues]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009, 168 p. (In Russian).
- Rooth M. A theory of Focus Interpretation. *Natural Language Semantics*. 1992. Vol. 1. Pp. 75–116 (In English).
- Slyusar' N. A. *Na styke teorij. Grammatika i informacionnaja struktura v russkom i drugih jazykah* [At the intersection of theories. Grammar and information structure of Russian and other languages]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009, 416 p. (In Russian).
- Testelet's Ya. G. *Vvedenie v obshhij sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow, RGGU Publ., 2001, 978 p. (In Russian).
- Shevernina Z. V. *Nekotorye nabljudenija nad aktual'nyim chleneniem predlozhenija v mongol'skom predlozhenii* [Some observations on the actual division of the sentence in Mongolian]. *Vostochnoe jazykoznanie: grammaticheskoe i aktual'noe chlenenie predlozhenija; otv. red. V. M. Solncev* (Oriental linguistics: the grammatical and actual division of the sentence; ed. by V. M. Solntsev). Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 158–164 (In Russian).
- Schwabe K., Winkler S. On Information Structure, Meaning and Form: Generalizations Across Languages. *On Information Structure, Meaning and Form*, ed. by K. Schwabe, S. Winkler. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Company, 2007, pp. 1–29 (Linguistik Aktuell / Linguistics Today 100) (In English).
- Yanko T. E. *Intonacionnye strategii russkoj rechi v sopostavitel'nom aspekte* [Russian intonational strategies in terms of comparative analysis]. Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur Publ., 2008, 312 p. (In Russian).
- Zhambalsurjen G. Монгол хэлшинжлэлийн онолын зарим асуудал [*Nekotorye voprosy mongol'skogo jazykoznanija*] [Some issues of Mongolian linguistics]. Ulan-Bator, Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1987, 120 p. (In Mongolian).
- Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2006, 368 p. (In Russian).

УДК 811.512.3

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ**Анна Владимировна Мазарчук¹¹ аспирант, Отдел языков народов РФ, Институт лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: anja_av@rambler.ru

Аннотация. В статье прослеживается история изучения информационной структуры (ИС) монгольского предложения на материале современного халха-монгольского языка. Основы теории информационной структуры предложения впервые были изложены в трудах М. Хэллидея в 1960-х гг., но истоком данной теории стало учение об актуальном членении предложения, разработанное В. Матезиусом и другими представителями Пражского лингвистического кружка несколькими десятилетиями раньше. Впоследствии это учение развивали как русские, так и зарубежные ученые, опираясь на материалы различных языков, в том числе монгольского. Первые статьи, посвященные информационной структуре (или актуальному членению) монгольского предложения, вышли в 1970–1980-х гг. из-под пера советских монголоведов З. К. Касьяненко, М. Н. Орловской и З. В. Шеверниной, а также американского лингвиста Л. Б. Хэммер. Основное внимание в работах того времени было уделено роли порядка слов и специальных частиц в формировании ИС монгольского предложения. Далее последовали работы монгольских языковедов М. Базаррагчи, З. Гулиранза, Г. Жамбалсурэна, Б. Пурэв-Очира и др. Затрагивал эту тему в своей монографии «Монгольский язык» и профессор Ю. Янхунен. Интересны также работы, посвященные отдельным аспектам, связанным с ИС предложения, в частности труды Т. С. Есеновой и А. Мухановой-Карлссон по интонационному строю монгольских языков. Но, к сожалению, нельзя не отметить, что комплексных работ, посвященных информационной структуре предложения в современном халха-монгольском языке, еще не появлялось.

Ключевые слова: монгольский язык, информационная структура, история, тема, рема, частицы, интонация, порядок слов.